

Борис ЯКЕМЕНКО

ПЕПЕЛ над пропастью

**Феномен Концентрационного мира
нацистской Германии**

ЯУЗА

Москва
2026

УДК 94(0)"1939/45"
ББК 63.3(0)622
Я44

Якеменко, Борис Григорьевич.

Я44 Пепел над пропастью / Борис Якеменко. — Москва :
Яуза-пресс, 2026. — 512 с.

ISBN 978-5-9955-1268-4

Эта книга — первое в отечественной историографии комплексное исследование феноменологии нацистских концентрационных лагерей (концентрационного мира) как особой системы, глобально трансформировавшей всё, что оказывалось в орбите её влияния, — от времени, истории и пространства до человеческой антропологии и психологии. Обнажение и одежда, пища и голод, насилие и боль, язык и молчание, страх и смерть — каждое из этих явлений занимало свое место в общей картине тотальных антропологических и психофизических деформаций человека, попавшего в пространство лагеря. Как трансформировались философия и теология «после Освенцима», почему освобождение из лагеря не давало свободы? Для всех интересующихся историей Второй мировой войны, социальной историей, социальной антропологией, общественной мыслью Европы середины — второй половины XX столетия.

**УДК 94(0)"1939/45"
ББК 63.3(0)622**

ISBN 978-5-9955-1268-4

© Якеменко Б.Г., 2026
© ООО «Яуза-пресс», 2026

Предисловие

В минувшем столетии европейская цивилизация пережила одну из самых страшных, если не самую страшную катастрофу в своей истории. Это была Вторая мировая война, открывшая принципиально новые стороны человеческого и бесчеловечного. Апофеозом, предельной точкой трагического опыта войны стали концентрационные лагеря нацистской Германии, превратившиеся в общеевропейскую травму, привыкание к которой не случится никогда. Сегодня этот травматический опыт требует рефлексии, осмысления, и любая попытка понять его приобретает не только научное, но и социальное, политическое, антропологическое значение.

Данная книга — это первая в отечественной историографии попытка всестороннего осмысления подобного опыта. Осмысления через быт, насилие, парадоксы лагерного бытия, наконец, через смерть, приобретающую в лагере невыносимый ранее масштаб. Главное достоинство данной работы в том, что исследование автором нацистского Концентрационного мира становится скрытым исследованием и современного социума, извлечением корней многих явлений, которые в той или иной форме продолжают существовать в социальном и культурном пространстве европейской цивилизации.

Борис Якеменко

Работа дает возможность понять, что Концентрационный мир нацистской Германии — это карта нацистского государства в размер местности, это территория чрезвычайного положения, становящегося нормой, где отменяются все законы и правила и становится возможным всё. Это территория создания «особого человека», вынесенного за пределы человеческого, способного как причинять нечеловеческие страдания, так и выдерживать их. Это место, где на противоположных полюсах сублимировалось все ужасное и все великое в человеке, место, где не было середины, где жизнь и смерть были перемешаны и теряли свои ключевые признаки, в результате чего человек мог подолгу пребывать в пространстве смерти, не умирая полностью, но и не будучи в состоянии жить.

Концентрационный мир нацистской Германии перестал существовать в 1945 году, но так и не был понят ни палачами, ни жертвами, ни тем более сторонними наблюдателями. Возможно ли вообще было понять, что произошло, кого можно считать настоящим свидетелем — автор задается и этими вопросами (проблеме и механизмам понимания произошедшего посвящена отдельная глава) и, не претендуя на исчерпывающий ответ, намечает пути возможного понимания трагического опыта лагерей и обрисовывает контуры фигуры подлинного свидетеля.

На мой взгляд, данная книга — несомненное событие в отечественной исторической науке. Ее безусловное достоинство (помимо многих уже указанных) в ее обращенности к рядовому читателю, а не к своему научному кругу, как нередко бывает сегодня. Не случайно первое издание этой работы полностью разошлось за два месяца. Любого человека эта книга заставит задуматься и о том, что происходит сегодня, и о том, что еще может произойти. Эта книга — предупреждение. Предупреждение всем, кому кажется, что всё случившееся в лагерях тогда невозможно в наши дни.

*Воронин Сергей Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всеобщей истории
Российского университет дружбы народов*

Введение

В данной работе речь пойдет о нацистских концентрационных лагерях как феномене и его отражении в социокультурном пространстве Европы середины — второй половины XX столетия. Масштаб влияния этого феномена на общественное сознание европейцев до сих пор до конца не осознан. Сегодня, когда мир переживает кризис политических и общественных институтов, в связи с чем забвение или даже оправдание худших страниц истории XX века становится инструментом влияния на социум, средством решения политических и экономических проблем, остается все меньше надежд, что это осознание произойдет. Это делает каждую работу по данной теме особенно актуальной, тем более что интерес к нацистским концентрационным лагерям в европейской исторической науке и общественном пространстве возрастает прямо пропорционально удалению нацистских концентрационных лагерей в горизонт прошлого¹. Одним из репрезентативных показателей этого интереса является активное развитие в последние годы одного из направлений «археологии современной истории» — археологии лагерей (*Lagerarchäologie*), в рамках

---

¹ Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 28–35.

которой исследуются территории бывших нацистских концентрационных лагерей¹, что дает не только новые артефакты, но нередко и существенно уточняет и даже поправляет детали и подробности воспоминаний узников.

Сегодня в европейском интеллектуальном пространстве активно идут споры по поводу исторической памяти и ее форм. В ходе этих дискуссий исследователями Д. Леви и Н. Шнейдером было констатировано, что нынешняя переломная эпоха маркирована, в частности, сменой мемориальных паттернов². Эта смена, по их мнению, выражается в том, что эпоха национальной памяти, начавшаяся в 1960-х годах, когда основной опорной фигурой памяти был Герой, действующий в национальных рамках, вытесняется временем космополитической памяти, главной фигурой которой становится вненациональная Жертва, существующая в пространстве, не ограниченном ни национальными, ни культурными, ни религиозными рамками.

Если первая направляет процессы, формирующие память, «сверху» и с помощью социальных и политических институтов создает пространство памяти и фигуру Героя, то вторая ориентирована на восходящие «снизу» голоса Жертв, голоса, из которых складывается ткань памяти³. И если фигура Героя закрывает прошлое, то фигура Жертвы открывает будущее. Если Герой вступал в конфликт с виновником случившейся трагедии, то Жертва ищет с ним компромисса, который осно-

---

¹ Bernbeck R., Pollock S. Archäologie der Nazi-Zeit: Diskussionen und Themen // Historische Archaologie. Vol. 2013. Issue 2; Colls S. Holocaust Archaeology: Archaeological Approaches to Landscapes of Nazi Genocide and Persecution. Journal of Conflict Archaeology 7(2), 71–105, 2012.

² Levy D., Szneider N. Memory Unbound. The Holocaust and The Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 5 (1). P. 87–106.

³ Как характерное отражение этого подхода в ноябре 2019 года начал работу сайт, представляющий собой базу жертв нацизма, содержащую более 10 млн человек. См.: <https://collections.arolsen-archives.org>.

ываается на взаимном признании истории «другого». На место зверств, которые пережили узники, после ухода всех непосредственных свидетелей трагедии приходят способность к рефлексии по поводу зверств и обмен воспоминаниями жертв и преступников. Как способность к рефлексии, так и обмен воспоминаниями стимулируют память об общем прошлом.

Данная трансформация связана с тем, что сегодня в Европе в результате глобализационных процессов все большее число людей перестает определять себя только через принадлежность к определенной нации или этносу. В этих условиях закономерно возникает несколько вопросов. В каких формах будет происходить осознание произошедшего, сохраняется ли у нынешних поколений возможность объективно судить о событиях, к которым эти поколения не имеют прямого отношения? В чем социальный и политический смысл новой культуры памяти? Возможно ли в новых условиях объективно судить о произошедшем и какова степень этой объективности? В связи с этими и другими вопросами актуальность данной работы, в которой делаются попытки понять антропологические и ментальные деформации сознания миллионов узников Концентрационного мира, сознания, которое затем было вынесено выжившими за пределы этого мира и стало важным фактором формирования послевоенного социального сознания Европы, многократно возрастает.

Однако западноевропейская историографическая база тематики, связанной с нацистскими концентрационными лагерями, пополняется сегодня главным образом историческими и социологическими исследованиями. Они добавляют многое к уже существующей фактологической картине, но в меньшей степени затрагивают нацистские концентрационные лагеря как источник для изучения ранее не исследованных состояний человеческого сознания, государства и социума. Что касается отечественной историографии, то в ней не существует монографических исследований социальной, культурной и антро-

пологической феноменологии «Концентрационного мира»¹, и данная монография — это первая попытка подобного рода.

Концентрационный мир нацизма стал уникальным явлением, местом, где была установлена монополия на исторический процесс, носителем которого становилось тотальное государство, определявшее субъектный и устанавливавшее объектный статус тех, кто попадал в орбиту лагеря. В Концентрационном мире история уступала место мифологии, там воскрешались архаические, пралогические формы мышления и действия, упразднялись правила и законы, на которых держалась европейская цивилизация. В основе этого мира лежали насилие и смерть. Их формы и разновидности становились главными маркерами категорий «населения» мира. Поэтому Концентрационный мир являлся основой, на которой строилось, в терминологии Карла Шмитта, «тотальное государство» Третьего рейха и тоталитарность как его неотъемлемая часть. Этот мир стал местом, где была сделана попытка в кратчайшие сроки путем беспрецедентного морального и физического давления создать физически и духовно принципиально нового человека, насильно интегрированного в это государство и способного растворяться в тоталитарности.

Идеология «обновления человека», которая владела Европой в первой четверти XX столетия и выливалась, в частности, в России в «новую биологию», «биокосмизм» и попытки вызвать «катаклизматическое» перерождение всего населения планеты, в нацистской Германии легла в основу создания Концентрационного мира — территории, где любая невозможность становилась возможностью, где рушились все прежние иерархии и строилась новая структура мира и государства. Именно

---

¹ Словосочетание «Концентрационный мир», вынесенное и в подзаголовках данной монографии, впервые в названии своей работы употребил в 1946 году Д. Руссе (*l'univers concentrationnaire*), и, на наш взгляд, это словосочетание наиболее точно и обобщенно передает суть рассматриваемого явления. Поэтому далее оно будет использоваться в тексте настоящей работы без кавычек.

Концентрационный мир создал несколько социальных и политических «формул», которые позволяют и сегодня понять логику действий человека и государства в условиях крушения общепринятых норм и правил. Не случайно в наши дни истории, политики, общественные деятели все чаще обращаются к истории Концентрационного мира, рассуждения о роли и месте освободителей лагерей используются как аргумент в современной политической риторике, обвинения в проповеди нацизма и реализации Холокоста звучат в адрес самых разных политических лидеров. Поэтому понимание многих процессов, происходивших в нацистских лагерях, исключительно важно для поиска ответов на вопросы, которые ставит современная политическая и социальная реальность.

Концентрационный мир стал территорией, где была сделана попытка отделить настоящее от прошлого, разрешить конфликт между прошлым, окрашенным памятью о Версале, и настоящим, пронизанным мечтами о «Тысячелетнем рейхе», в рамках не продолжения истории, а в порядке ее преодоления, то есть возбуждения в истории бессилия, отмены власти истории над жизнью и человеком. Концентрационные лагеря нацизма стали попыткой в целом перспективно выйти из кризиса западного мира, констатированного О. Шпенглером. Этот выход осуществлялся через радикальную отмену всех норм и правил, которые, как считалось, и привели к этому кризису, то есть оказались ложными. Массовое и тотальное уничтожение не только людей, но также памятников культуры и населенных пунктов (наиболее характерный пример — чешская деревня Лидице, где нацисты уничтожили все строения и вывезли их обломки, засыпали пруд, отвели реку в новое русло, разровняли дорогу, которая вела к деревне, и опустошили даже местное кладбище) создавало обширное пустое пространство на месте истории, куда предполагалось поместить мифологию.

Традиционная схема «Древний мир — Средние века — Новое время» должна была получить свое завершение в Концентрационном мире, в котором времени уже не существова-

ло, — многие узники отмечают, что у них возникало странное ощущение деформации времени, его отмены («Времени не было. Сколько времени мы простояли на ветру? Час? Один жалкий час? Шестьдесят минут?» — спрашивал Э. Визель¹), запуска механизма языческого (по Л. Альтюссеру — «невротического»²) круговращения реальности, где каждый узник, каждый эсэсовец, каждый барак при всей их внешней разности многократно воспроизводились в окружающей действительности как один и тот же «усредненный», наделенный признаками знака узник, эсэсовец и барак. Это состояние попытался воссоздать в своем девятичасовом фильме «Шоа» (1985) К. Ланцман, применив особый вид монтажа, с помощью которого свидетельства, пейзажи, персонажи все время возвращаются к некоей «точке бифуркации», которая остается неосязаемой и неатрибутируемой в конкретных категориях, однако именно эта точка и формирует всю логику фильма.

Концентрационный мир был, в отличие от остального мира, характеризуемого принципиальной невозможностью завершенности, структурой завершенной, и эту завершенность закономерно утверждала смерть, занимающая основную часть метафизического и мифологического пространства концентрационного лагеря. Эта эсхатологическая завершенность легла в основу попытки переучреждения государства, фундаментом которого традиционно и ритуально становилась кровь жертв. Но, в отличие от традиционного языческого жертвоприношения, кровь не лучших, а, как считалось, худших. Кровь была самым очевидным показателем абсолютного предела борьбы, важнейшим условием, исключающим остановку или движение назад, условием, заставляющим идти только вперед, так как в противном случае осознание того, что огромные жертвы

---

¹ Визель Э. Ночь. М., 2017. С. 74. Примечательно, что Э. Визель даже не смог вспомнить дату своего прибытия в Освенцим и считал, что оказался в лагере в апреле. Однако его лагерный номер указывает на то, что он прибыл 24 мая.

² Встреча: Мераб Мамардашвили — Луи Альтюссер. М., 2016. С. 138.

были принесены напрасно, стало бы главным стигматизатором системы и не позволило бы ей уцелеть. Кроме того, кровь являлась самым убедительным доказательством того, что развитие и утверждение системы не фикция, что поставленные задачи решаются ею на пределе собственных возможностей. Реальность крови становилась знаком реальности происходящего, только кровь имела значение, становилась безусловным фактором, в то время как все остальные факторы превращались в условности.

Выход «плохой» крови, замедление, а затем и полная остановка ее воспроизводства через массовое уничтожение людей должны были привести к очищению структуры существующей системы и стать залогом вечного существования нацистского государства. Это существование понималось не как приобретенное свойство системы, а как изначальное ее свойство, обеспечиваемое отсутствием внешних деструктивных факторов, могущих стать причиной ее гибели. То есть нацистское государство было как бы изначальным явлением, существовало всегда (его проявления в своих прозрениях видели, по мнению нацистских лидеров, Ницше и Вагнер), но было погребено под спудом отживших традиций, отработанных идей, прежнего политического и экономического порядка, лишних, чужих людей.

В этих условиях главной задачей становилась тотальная «расчистка» этих наслоений, эффективность которой обуславливалась полным упразднением всех ранее существовавших моральных, идеологических, политических, антропологических границ. Второй, не менее важной задачей было не допустить любой внешней угрозы. Поэтому не имело значения, кого уничтожать: детей, стариков или солдат, — возраст и состояние жертв не принимались в расчет, речь шла не о терминах, не о категориях, а о свойствах и качествах. Еврейский или цыганский ребенок был прежде всего только евреем или только цыганом, а не ребенком. Уничтожали просто вообще евреев, цыган, русских, поляков, а не стариков и женщин; не уничтожали людей, а стирали темные пятна с безукоризненного обра-

за вечного, изначального Рейха. Такой подход, обеспеченный на практике точно выстроенным процессом дегуманизации жертв, сведенных к пронумерованным биологическим объектам, исключал упреки в жестокости и бесчеловечности, и именно поэтому нацистские преступники, такие как Адольф Эйхман, оказавшиеся на скамье подсудимых, искренне не понимали предъявляемых им обвинений.

Концентрационные лагеря обеспечили, помимо тоталитарности, абсолютную (тотальную) тотальность нацистского государства, именно в лагерях велась возгонка этой тотальности, которая пронизывала собой всё. Под тотальностью мы понимаем доведенные до предела прочности социальные и ментальные связи, обеспечивавшие изнутри (в отличие от тоталитарности, обеспечивавшей извне) слияние общества в массу. То есть масса — это следствие тотальности, это общество, сжатое до сверхвеличин, когда ментальное и даже физическое расстояние между социальными и антропологическими объектами становится сверхмалым, когда идея превращается в физиологию или даже биологию, и наоборот. И тотальность выступает главным инструментарием этой трансформации. Иллюстрацией к этому тезису являются фильмы Лени Рифеншталь и многочисленные свидетельства о физиологическом или даже сексуальном возбуждении толпы во время выступлений Гитлера.

От подъема до отбоя вся структура жизни заключенного отражала в себе символическую систему тоталитарного и тотального государства и указывала узнику место на самых нижних ярусах системы или даже под ее поверхностью¹. При этом тотальность закономерно была тем абсолютнее, чем больше людей попадало в лагеря и чем жестче было с ними обращение. Не случайно первый период истории Концентрационного мира (до 1940 года) — это лагеря для перевоспитания и исправле-

---

¹ *Buchenvald K.L. Post Weimar. Buchenvald and Mittelbau-Dora Memorial Foundation, 2006. P. 29.*

ния (преимущественно трудовые), где заключенные сохраняли некоторые права и даже освобождались (в первые месяцы Великой Отечественной войны из лагерей освобождали даже военнопленных (белорусов, украинцев, прибалтов) — за три месяца войны освободили около 300 тысяч человек¹), и только с активным развитием событий Второй мировой войны, когда тотальность, по сути, сменяет государство, когда вместо государства возникает, в терминологии В. Страда, «метасоциальное», начинается второй этап. Именно тогда создаются лагеря смерти. Концентрационные лагеря были главным и неременным условием существования этой тотальности, они были теми реперными точками, к которым была привязана «карта» фашизма, и именно поэтому они не могли в будущем исчезнуть по определению. Концентрационный мир парадоксальным образом был гарантией реальности Рейха, необходимым условием статистического самоощущения нацистской Германии как сильной и несокрушимой державы.

Осью Концентрационного мира, на которой держалось все — от архитектурной формы лагерей до внутреннего распорядка, было абсолютизированное, отменяющее любую рефлексию насилие. В концентрационных лагерях насилие в ходе преодоления истории компенсаторно встало на ее место рядом с мифологией (мифология традиционно не просто сопровождается насилием — насилие есть одно из основных средств превращения истории в мифологию), став основной движущей силой государства, что подтверждает высказанный выше тезис о неотменимости лагерей в будущем. Насилие, использовавшееся нацистским государством в первый период своего существования как средство, в Концентрационном мире стало целью, сущностью нацистского государства, сменившей все формы ненасильственного принуждения, существовавшие ранее за пределами лагерей.

---

¹ Дворниченко О. Клеймо. Судьбы советских военнопленных. М., 2017. С. 213.

Беспрецедентность насилия во многом объяснялась тем, что оно было постоянно ощущаемым следствием чрезвычайного давления государства на общество, через насилие государство предъявляло себя социуму. В результате этого давления должна была выкристаллизоваться упомянутая выше принципиально новая категория людей (как при чрезвычайном давлении графит превращается в алмаз), которая обеспечит необратимость времени. Не случайно строительство «нового человека», поиски новых физических возможностей человека, выливавшиеся в Концентрационном мире в изуверские эксперименты над людьми, пронизывают всю идеологию Третьего рейха.

При этом главным объектом этого давления были как раз не столько узники, сколько эсэсовцы, обслуга лагерей, оказавшиеся между молотом и наковальней — государством и заключенными. Именно эсэсовцы должны были стать теми самыми «новыми людьми». Государство оказывало на них административное, уставное, идеологическое давление сверху, и они в свою очередь становились «усилителями сигнала», трансформируя это давление в насилие по отношению к заключенным. Последние отвечали как активным (акты неподчинения, саботаж, обман), так и пассивным (крик, видимые мучения, проклятия) сопротивлением, то есть давили снизу. Это не делает эсэсовцев страдающей стороной, но объясняет место и роль насилия в Концентрационном мире.

В условиях, когда Третий рейх и его фюрер официальной пропагандой описывались в религиозных категориях как сбывающаяся мечта человечества о светлом, сияющем, совершенном мире¹, когда были очерчены контуры новой, квазиязыческой, парарелигиозной структуры, противопоставленной

---

¹ Подробный анализ религиозной риторики Третьего рейха см.: *Клемперер В.* Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. URL: https://royallib.com/read/klemperev_viktor/LTI_yazik_tretego_reyha_zapishnaya_knigka_filologa.html#1187840; *Булгаков С.* Расизм и христианство // Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991; *Шкаровский М.* Холокост и Православная церковь. М., 2016.

не только иудаизму, но и христианству, которая должна была оформить будущее нацистское государство и создать путем отбора и воспитания человека нового типа, Концентрационный мир становился антимиром, знаком преисподней, поглощающей тех, кто выброшен из своей биографии и из бытия, краем света, за которым темнота. Это сознавали и сами его организаторы. «Гауптшарфюрер Гило, гарнизонный врач, — вспоминал комендант Освенцима Рудольф Хёсс¹, — был прав сегодня, говоря, что мы здесь находимся при *apud mundi* (анальном отверстии мира)»². И если метафизической основой Третьего рейха становится квазиязычество, то концентрационные лагеря выполняют роль капищ или даже «городищ-святилищ», где день и ночь пылают жертвенные костры, на которых приносятся многотысячные жертвы идолам нового религиозного культа.

Насилие было необходимым условием формирования указанной структуры, так как оно в архаических практиках (воскрешение архаических, пралогических практик в нацистском государстве может стать темой отдельной работы) было источником священного. «Именно опыт насилия интерпретировался как нечто сверхъестественное, — говорит антрополог Р. Жирар, — потому что, когда люди спасаются через опыт коллективного насилия, они не могут думать, что они сами совершили насилие, — им приходится придумывать какую-то стоящую над ними силу. Это и есть начало религии»³. Именно в этих квазиязыческих категориях разнообразие форм насилия и убийства напрямую соотносилось с разнообразием статусов узников

---

¹ Здесь и далее в тексте используется написание Хёсс (нем. *Höß*) во избежание путаницы с фамилией рейхсминистра Рудольфа Гесса, однако в библиографических описаниях источников оставлен вариант написания, использовавшийся в момент их публикации. — *Примеч. авт.*

² Освенцим в глазах СС. Гесс. Брод. Кремер. Государственный музей в Освенциме, 1975. С. 202.

³ Покой убийством. Беседа Р. Жирара с А. Ритулсом // Rigas Laiks. Русское издание. Весна 2017. С. 38.

и их поступков, определяло в системе место вождя и становилось структурообразующим метафизическим началом.

При этом насилие могло существовать и действовать только там, где «возможно все», то есть в пространстве невозможного, которым стал Концентрационный мир. Из этого «невозможного» вытекало кажущееся абсурдным положение, которое было точно зафиксировано Х. Арендт: «Поддерживать работу фабрик смерти было важнее, чем выиграть войну»¹. Если вспомнить, что в последние два года войны громадное количество эшелонов, вместо того чтобы использоваться для переброски войск на Восточный фронт, где ситуация была угрожающей, были задействованы для перевозки евреев в лагеря смерти, этот тезис находит убедительное подтверждение.

Экономическая целесообразность концентрационных лагерей постоянно приносилась в жертву политической необходимости и идеологическим фантомам. Ничем иным нельзя объяснить «уничтожение миллионов расовых врагов, вне зависимости от их потенциальной полезности для военной экономики Рейха»². Характерен разговор служащего конторы паровозостроительного завода Круппа в Эссене Зэлинга и представителя Германского трудового фронта (ДАФ) Приора. Зэлинг пытался убедить Приора, что узники лагерей, выделенные заводу в качестве рабочей силы, нуждаются в нормальном питании, так как иначе они будут не в состоянии работать. «Господин Приор заметил на это, что если не годится для этого один, то найдется другой, а большевики — это люди без души. Если их вымрет даже сто тысяч, то взамен мы получим другие сотни тысяч. На мое замечание, что при такой текучести мы не достигнем цели, а главное, не обеспечим локомотивами германские железные дороги, которые настаивают на сокращении сроков поставок, господин Приор ответил: поставки —

---

¹ Арендт Х. Опыты понимания. 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 398.

² Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М., 2018. С. 665.

это дело второстепенное»¹. Экономика — это рациональность, объективность, имеющая понятные категории измерения, в то время как насилие направляется и подпитывается иррациональностью, оно есть порождение фантомов сознания, следствие субъективности, возведенной в абсолют, доведенной до пределов, даже если эта субъективность воплощена в рамках государственной идеологии.

Парадоксальность этого явления подтверждается, в частности, тем, что концентрационный мир как место сублимированного насилия и глобального упразднения всех гуманистических норм разросся до масштабов самостоятельного, структурированного явления с социальной и моральной стратиграфией, явления, стоящего над прежними формами культуры. По точному замечанию С. Лема, глобальность этого явления «требует производственной базы, особых орудий производства, а значит, особых специалистов — рабочих и инженеров, сообщества профессионалов от смерти. Все это пришлось изобрести и построить на голом месте — никогда еще ничего подобного не делалось в подобных масштабах»². То есть речь идет о том, что впервые была создана многоуровневая, эшелонированная индустрия «производства смерти», где в смерть перерабатывалось все, что было накоплено человечеством, где смерти придавались самые различные формы и откуда смерть расходилась по всем явлениям человеческой жизни, обессиливая и обесмысливая их.

Именно благодаря масштабу и беспрецедентности этого явления в значительной степени был совершен поворот от прежних христианизированных форм европейской цивилизации, где смертью все завершалось, к новой секулярной цивилизационной форме, где все было направлено к бегству от смерти. Где смерть, имплицитно включаемая в жизнь в момент рождения,

---

¹ Цит. по: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 379.

² *Лем С.* Провокация. URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=26145&page=11>.

стала постоянно ощущаться и ее преодоление требовало принципиально новых усилий и форм, что было по многим причинам уже невозможно. После короткого всплеска политической, культурной и социальной энергии 1950–1960-х годов наступил упадок, в котором стали отчетливо видны черты «цивилизации бессилия», ставшей питательной почвой для зарождения пост-модерна с его констатациями «смерти человека».

Вместе с этим Концентрационный мир стал местом, где произошел сброс традиции, что позволило допустить массовые убийства и радикально очистить структуру государства в преддверии остановки времени и полного исчерпания истории. То есть лагеря превратились в место утилизации протестных и вообще любых антисистемных настроений, знаком окончательного разделения общества на тех, кто достоин, и тех, кто обречен. Концентрационный мир стал ответом на соблазн совершить прямой скачок в будущее, проигнорировав период долгого строительства. Война и насилие в человеческой истории всегда были способом ускорения исторического времени, кардинального решения накопившихся серьезных проблем. Эти проблемы в мирное время (то есть в обычных обстоятельствах) нередко невозможно решить, но можно это сделать в чрезвычайных обстоятельствах, которые складываются в ходе войны, и они же оправдывают все военные издержки, прежде всего морального плана, согласно распространенной формуле «победителей не судят».

Именно поэтому Концентрационный мир решал сразу несколько глобальных задач. Двигал вперед некоторые отрасли экономики (причем это движение почти ничего не стоило — рабский труд был дешевле труда животных), создавал «нового человека» из эсэсовцев и тех заключенных, которые были кооптированы системой, и, наконец, «легально» уничтожал тех, кто не соответствовал новым требованиям. Таким образом, именно в концентрационных лагерях строилась новая социальная структура Рейха и деиерархизировался старый мир.

Концентрационный мир стал возможен как совокупность нескольких факторов, которые по отдельности не представляли

глобальной опасности, но сложились в систему, равной которой по степени бесчеловечности в истории не существовало. Среди этих факторов — бюрократия, техника, транспорт, средства связи. Каждый из этих факторов можно объяснить и принять, но их синхронное суммирование приводит не к пониманию явления, а наоборот: полученная сумма являет собой совершенно иррациональное явление. Связанные в единую систему, доведенную до пределов рациональности, все эти факторы привели главным образом к тому, что массовые убийства стали формальностью, совершение которой не причиняло моральных страданий исполнителям. Совпадение трех условий, по мнению Герберта С. Кельмана: насилие узаконивается, действия рутинизируются, жертвы насилия дегуманизируются¹ — имело закономерным финалом Концентрационный мир, который стал тестом на скрытые возможности современной цивилизации.

---

¹ Цит. по: Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 38.

Источники и историография

Историографическая и источниковедческая база темы нацистских концентрационных лагерей в целом очень обширна¹, но в задачи автора входит рассмотрение только тех ключевых работ, в которых Концентрационный мир исследуется как особое пространство «новой реальности», где анализируются причины и предпосылки генезиса феноменологии нацистских концентрационных лагерей в целом и в частности, а также развитие этих предпосылок в общем строе жизни лагерей, в питании, работе, быту, в страданиях и гибели узников.

Собственно научный интерес к концентрационным лагерям появился не сразу после Второй мировой войны. Масштаб произошедшего и степень катастрофичности случившегося были настолько ошеломляющими, что многим казалось, что эта тема вообще не может быть предметом исторической науки, тем более той науки, которая целиком находилась в рамках довоенной методологии. Поэтому первые работы на

---

¹ См. обзор историографии по данному вопросу: *Корнева Л.Н. Зловещий лик нацистского Януса: историки ФРГ о системе нацистских лагерей // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 8; Аристов С.В. Система нацистских концентрационных лагерей: европейское измерение историографии проблемы // Диалог со временем. 2013. Вып. 44.*